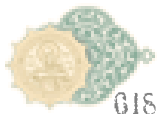

Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ.

I.

Начиная исторію государства Русскаго съ призванія Варяговъ-Руси, первая русская лѣтопись съ нихъ же начинаетъ исторію христіанства въ Руси, или точнѣе—въ Кіевѣ. Первое опредѣлительное извѣстіе о христіанствѣ въ Кіевѣ лѣтопись сообщаетъ подъ 945 г., при изложеніи договора Игоря съ Греками, упоминая здѣсь и о церкви св. пророка Ильи съ поясненіемъ: *мнози бо бѣша Варязи христіане*. Въ вѣкоторой мѣрѣ это извѣстіе готовится предшествующими сообщеніями лѣтописи. Таково сообщеніе *о пути изъ Варязь въ Греки*, который, какъ представляетъ лѣтопись, существовалъ еще въ доисторическое время Кіева и проложенъ Варягами, ходившими въ христіанскую Грецію, откуда потомъ и приводитъ лѣтопись въ Русь Варяговъ христіанъ. Въ историческое время первымъ извѣстіемъ о Кіевѣ есть въ лѣтописи извѣстіе объ Аскольдѣ и Дирѣ, которые были изъ дружины Рюрика, отпросились у него идти съ родомъ своимъ къ Царьграду, на этомъ пути овладѣли городкомъ Кіевомъ и совокупили многихъ Варяговъ, съ которыми чрезъ три года пошли войной на Царьградъ, защищенный отъ нихъ покровомъ Божіей Матери такъ, что они, потерпѣвъ неудачу, возвратились восвоюси. Сопоставляя это извѣстіе съ извѣстіями византійскихъ писателей—Фотія, Константина Багрянороднаго и друг., говорящихъ о походѣ Руссовъ на Царьградъ, пріурочиваемомъ къ тому же времени, а потомъ о крепеніи ихъ, нѣкоторые признають, что *первыми христіанами* въ

Кіевъ были Аскольдъ и Диръ съ ихъ Руссами, видя намекъ на христіанство Аскольда въ замѣткѣ лѣтописи о церкви св. Николая на могилѣ Аскольда. Если мы признаемъ такой выводъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ должны признать, что первыми христіанами въ Кіевѣ были Варяги, ибо то несомнѣнно, что для лѣтописца Аскольдъ и Диръ были такіе же Варяги, какъ Рюрикъ съ братьями, голько другаго, не княжескаго племени или рода¹⁾. Если существовало въ Кіевѣ христіанство при Аскольдѣ и Дирѣ, то оно должно было упасть или ослабѣть послѣ завоеванія Кіева язычникомъ Олегомъ, пришедшимъ съ языческою дружиною въ 882 г. Но Олегъ также знаетъ путь въ Греки и упрочиваетъ тѣ сношенія Руси съ Греціею, которыя имѣли послужить къ принесенію христіанства изъ Греціи. Подъ 907 г. лѣтопись говоритъ о походѣ Олега на Царьградъ, договорѣ его съ Греками, который былъ возобновленъ въ 912 г. и излагается подъ этимъ годомъ. По утвержденіи его клятвою со стороны Грековъ и пословъ Олега въ Царьградѣ, Греческій царь Левъ, какъ повѣствуетъ лѣтопись, „пристави къ нимъ (посламъ Олега) мужи свои показати имъ церковную красоту... и страсти Господни, вѣнецъ и воздѣе и хламиду барянную и мощи святыхъ, учаще я къ вѣрѣ своей и показующе имъ вѣру истинную, и тако отпустиша я въ свою землю съ честию великою“⁴. Кто были тѣ послы Олега, которые обозрѣвали святыни Царьграда, слышали отъ Грековъ наставленія о вѣрѣ и принесли въ Кіевъ назидательныя впечатлѣнія отъ того, что видѣли и слышали? Лѣтопись знаетъ и сообщаетъ имена ихъ. Это: *Карлы, Инелмдъ, Фарловъ, Веремундъ, Рулафъ, Гуды, Карнъ, Фреласъ, Руаръ, Актеву, Труаръ, Лидульфостъ, Стемиръ*. Если мы считаемъ очевидность

¹⁾ Тѣ изслѣдователи, которые не признаютъ Аскольда и Дира Варягами-Скандинавами, считаютъ ихъ то Руссами-Славянами, то Уграми, то Хазарами, то Финнами. Это значитъ, что съ уклоненіемъ отъ того пониманія національности Аскольда и Дира, какое само собою дается изъ лѣтописи, наступаетъ произволъ для выводовъ объ этой національности.

достаточнымъ доказательствомъ истины, то въ этихъ послѣхъ Олега можемъ признать только Варяговъ-Нормановъ, какими были Рюрикъ, Олегъ, Игорь. Приведенное сообщеніе лѣтописи и тѣ статьи Олегова договора, которыя даютъ заключать о бывшихъ и имѣвшихъ участіе въ хожденіяхъ Руссовъ изъ Кіева въ Грецію и обратно, довольно готовятъ къ извѣстію 945 г. о томъ, что въ Кіевѣ *мнози быша Варязи христіане*. Это были христіане изъ тѣхъ Варяговъ, воиновъ и купцовъ, которые хаживали въ Грецію на воинскую службу и для торговли, заживались тамъ, знакомились съ христіанствомъ, крестились и христіанами возвращались въ Русь. Это, слѣдуетъ дополнить, были христіане изъ тѣхъ Азовско-Босфорскихъ Руссовъ, одноплеменныхъ съ нашими Варягами-Руссами, которые, какъ то достаточно утверждено наукою, ранѣ насъ извѣстны были Грекамъ, ранѣ насъ стали принимать христіанство и къ концу княженія Игоря стали уже примыкать къ составу Русскаго государства, такъ что князь или князья ихъ были, такъ сказать, въ вассальной зависимости отъ единоплеменнаго Кіевскаго князя¹⁾. Варяги христіане, имѣвшіе въ Кіевѣ свою Варяжскую церковь, имѣли, какъ можно заключить изъ Игорева договора, такую же церковь и въ Царьградѣ, подобно далекимъ предкамъ своимъ Готамъ, имѣвшимъ тамъ свою церковь при святомъ Златоустѣ, и позднѣйшимъ Варягамъ XI в., имѣвшимъ свою церковь въ Царьградѣ, памятную по

¹⁾ Существованіе Азовско-Таврическихъ Руссовъ, главнымъ владѣніемъ ихъ была Тамань, признается всѣми изслѣдователями, признается и то, что они ранѣ насъ стали извѣстны Византіи и принимали христіанство. Спорили или спорятъ только о національности этихъ Руссовъ. Ихъ считаютъ то бывшими Роксоланами (смѣсью Россовъ-Славянъ съ Аланами), то чистыми Славянами, то Финнами, то Хазарами. Словомъ, здѣсь повторяется тоже, что и въ спорахъ о Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ, вообще о нашихъ Варяго-Руссахъ: итъ предѣла произвольнымъ предположеніямъ, какъ скоро отступаютъ отъ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ о скандинавской національности, преобладавшей въ Азовско-Таврическихъ Руссахъ, родственныхъ по племени Готамъ, раньше ихъ водворившимся у Азовскаго Босфора и въ Тавридѣ и давно ставшимъ христіанами.

названію *Παναγίας Βαραγγιτισσῆς* неподалеку отъ св. Софіи. Сам собою понятно, что то *множество* христіанъ, о которыхъ говорить лѣтопись подъ 945 г., было множествомъ относительнымъ, т. е. оно въ дѣйствительности—было меньшинствомъ въ сравненіи съ сплошнымъ языческимъ населеніемъ Кіева и Руси. Но это меньшинство было замѣтно по своему представительному значенію при князѣ, принадлежа къ княжеской дружинѣ, какъ высшему властному сословію или классу людей, одноплеменному съ правящимъ княжескимъ родомъ¹⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что къ этому сословію принадлежалъ и родъ Ольги, жены князя Игоря, какъ показываетъ и ея имя, какъ представляетъ и позднѣйшее житіе ея, называющее ея происходящею „изъ Варяжскаго рода“. Естественно, что въ средѣ этого меньшинства Варяговъ-христіанъ ознакомилась и предрасположилась къ христіанству и сама св. Ольга, принявшая потомъ и святое крещеніе. Послѣ того, что представляется естественнымъ, несомнѣннымъ, можно высказать и предположеніе, что она и крестилась въ Царьградѣ именно въ своей русской, т. е. Варяго-русской церкви пророка Ілии, что этимъ можетъ объясниться молчаніе о крещеніи ея въ разсказѣ Константина Багрянороднаго о приѣмахъ Ольги при дворѣ Императорскомъ,—молчаніе, которое было бы менѣе понятнымъ, если бы Ольга крестилась въ какомъ либо изъ двухъ главныхъ храмовъ Царьграда—Софійскомъ или Апостольскомъ. Правда, лѣтопись говорить, что Ольгу крестилъ и поучалъ по крещеніи самъ патріархъ, какимъ былъ тогда Поліевктъ. Но Поліевкта называли подобнымъ Златоусту, а Златоустъ, какъ извѣстно,

¹⁾ Изъ 67 именъ постовъ и гостей, упоминаемыхъ въ Игоревомъ договорѣ 945 г., т. е. тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что одни изъ нихъ христіане, другіе не крещенные или язычники, есть уже нѣсколько именъ славянскихъ, остальные варяжскія, т. е. Скандинавскія, какъ и въ договорѣ Олеговомъ. Возможно, что въ христіанской половинѣ этой группы представительныхъ людей Игоревой Руси были и славяне, но рѣшительное большинство было изъ Варяговъ Свандянавовъ, почему лѣтопись и выражалась: *мнози бо бѣша Варязи христіане*.

посѣщалъ Готскую церковь въ Царьградѣ, говорилъ поученіе въ ней послѣ того, какъ Готы прочитали (Св. Писаніе) на своемъ языкѣ и Готскій пресвитеръ сказалъ бесѣду ¹⁾. Однако же святая Ольга не могла распространить и утвердить христіанство въ Кіевѣ и Руси, не могла обратить и своего сына Святослава. Нерасположеніе его къ христіанству объясняется, конечно, и личнымъ характеромъ молодого князя, мечтавшаго только о военныхъ подвигахъ и завоеваніяхъ. Но необходимо признать здѣсь и вліяніе со стороны Кіевскихъ язычниковъ, среди которыхъ, въ виду возрастающаго христіанства, поднималась реакція противъ него, выразившаяся прежде всего въ томъ, что они „ругались христіаниномъ“, грозили смѣяться и надъ княземъ, если онъ крестится. Эти язычники были, конечно, и изъ Варяговъ, въ большинствѣ все же язычниковъ, но еще болѣе, надо полагать, изъ мѣстныхъ Славянъ, уже вошедшихъ въ составъ княжеской дружины, но менѣе Варяговъ знакомыхъ съ христіанствомъ.

Впрочемъ, говоря о нерасположеніи Святослава и его дружины къ христіанству, лѣтопись даетъ понятіе, что христіанство не прекращалось въ Кіевѣ, даже продолжало пріобрѣтать новыхъ послѣдователей. Ибо, замѣчаетъ лѣтопись, при Святославѣ *не возбраняли* принимать христіанскую вѣру, только глумились надъ тѣми, которые принимали. Послѣ Святослава при Ярополкѣ настало, какъ надо полагать, какъ и полагаютъ, болѣе льготное время для христіанства, такъ что оно продолжало держаться и удержалось до вояжненія Владиміра,—удержалось, какъ естественно думать, *преимущественно* въ той средѣ, въ которой началось, т. е. въ средѣ Варяговъ, хотя могло уже проникнуть и въ среду Славянъ.

¹⁾ Св. Іоанна Златоуста Слова и Бесѣды, перев. при С.Пб. дух. академіи, т. II. Бесѣда въ иринусска Готск, стр. 350, С.Пб. 1865 г.

II.

Княженіе Владиміра началось въ Новгородѣ, куда онъ отправленъ былъ съ своимъ дядею Славяниномъ Добрынею въ 970 г. Семь лѣтъ княжилъ онъ въ Новгородѣ, въ средѣ исключительно языческой, и за это время, казалось, изгладились въ немъ впечатлѣнія христіанскаго воспитанія, полученныя въ дѣтствѣ отъ св. Ольги. Въ 977 г., убоясь Ярополка, Владиміръ бѣжалъ за море къ Варягамъ, но чрезъ два года, или, вѣрнѣе, на второй годъ возвратился съ Варягами въ Новгородъ и затѣмъ съ ними же пошелъ на Кіевъ, которымъ и овладѣлъ и сталъ единодержавнымъ княземъ всей Руси. Прибывшіе Варяги изъявили притязаніе взять окупъ съ Кіева; но Владиміръ, щадя подвластный городъ, успѣлъ принять свои мѣры противъ нихъ, и тогда они попросились—*пустить ихъ въ Царьградъ*. Владиміръ избралъ изъ нихъ „мужей мудрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ“, раздалъ имъ города въ управленіе, а остальныхъ отпустилъ въ Грецію, предупредивъ о нихъ Греческаго императора. Затѣмъ лѣтопись говоритъ о проявленіяхъ языческаго усердія Владиміра, выражавшагося въ ставленіи кумировъ и приношеніи имъ жертвъ, къ видимому удовольствію мѣстныхъ язычниковъ, показывавшихъ особенное усердіе къ идольскому служенію. Справедливо полагаютъ, что эти факты служили новымъ признакомъ поднимающейся языческой реакціи противъ возрастающаго предѣтъмъ христіанства. Если такъ, то естественно полагать, что эта реакція шла по преимуществу изъ мѣстной славянской среды противъ христіанства, какъ религіи пришлой, занесенной въ Кіевъ пришельцами изъ Греціи Варягами и среди нихъ по преимуществу возрастающей. Но Владиміръ не долго усурдствовалъ къ язычеству. Избранный Провидѣніемъ быть просвѣтителемъ Руси и, по выраженію м. Иларіона, одаренный свѣтлымъ разумомъ и осѣненный благодатію Божією, князь начинаетъ проходить къ мысли

о принятіи для себя и народа христіанской вѣры, о которой слышать, какъ о вѣрѣ греческой страны и другихъ христіанскихъ странъ. Отъ кого слышать? Прежде чѣмъ услышалъ объ этомъ отъ пришлыхъ греческихъ проповѣдниковъ, онъ услышалъ о томъ отъ своихъ въ Кіевѣ бывшихъ христіанъ. Это само по себѣ такъ просто и естественно, что не требуетъ и доказательствъ. Но лѣтопись даетъ намъ и прямое свидѣтельство о томъ. Подъ 983 г. онъ рассказываетъ о языческихъ требоухъ, кумирахъ, которые самъ Владиміръ „творяше съ людьми своими, боярами и старцами“, т. е. съ представителями по преимуществу мѣстной славянской среды. Старцы бросили жребій на отрока и дѣвлицу, чтобы зарѣзать въ жертву богамъ. „И бляше, продолжаетъ лѣтопись, *Варягъ одинъ приходшій отъ грекъ и держаше вѣру христіанскую тайно. И бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душою и на него паде жребій*“. Но доблестный Варягъ христіанинъ не далъ своего сына на жертву богамъ и выступилъ съ смѣлою проповѣдію предъ толпою язычниковъ, говорилъ о тцетѣ боговъ-- кумировъ и о Богѣ единомъ, „*Ему же служатъ Греки, Иже сотвори небо и землю, и человекъ, и звѣзды, и солнце, и луну и далъ людямъ жизнь на землѣ*“. Онъ съ сыномъ положилъ и жизнь за свою вѣру, и эти Варяги, отецъ и сынъ, были первыми мучениками за нее въ землѣ Русской, по выраженію Симеона, епископа Владимірскаго. Понятно и естественно, что слова христіанской проповѣди Варяга дошли до слуха Владиміра, ибо требослуженіе кумирамъ, давшее поводъ къ этой, во всеуслышаніе сказанной, проповѣди, устроено было самимъ княземъ съ своими людьми. Слова Варяга о тцетѣ кумировъ и о Богѣ единомъ, Которому служатъ Греки, слова мужественныя, засвидѣтельствованныя подвигомъ мученичества,—не были ли первымъ лучемъ, первымъ проповѣдникомъ новаго благодатнаго свѣта въ душу князя, богатую задатками природнаго свѣтлаго ума, но затемненную изыческимъ суетьрїемъ? Понятно также, что проповѣдь и мученичество Ва-

ряга-христианина должны были произвести возбуждение и у других христианъ Киевскихъ изъ Варяговъ и Славянъ, желавшихъ въ виду поднимающагося языческаго культа, грозящаго начаткамъ христианства въ Киевѣ, защитить себя и свою вѣру отъ язычниковъ чрезъ воздействие на князя, съ мыслию расположить его къ своей вѣрѣ. Кому, если не имъ, въ пору было теперь оживить въ князѣ память о св. бабкѣ Ольгѣ, принявшей ту самую вѣру Греческую, за которую пострадали Варяги отецъ и сынъ? О томъ, что память о св. Ольгѣ послужила къ обращенію Владиміра, говорить и лѣтопись. А Іаковъ монахъ память о св. Ольгѣ ставить даже главнымъ изъ тѣхъ внѣшнихъ возбужденій, подъ вліяніемъ коихъ, при содѣйствіи благодати св. Духа, зародилось въ душѣ Владиміра желаніе принять св. крещеніе. Но кто же прежде всего напоминалъ Владиміру о св. Ольгѣ, если не мѣстные Киевскіе *христиане*, какими были попреимуществу Варяги. Отъ кого, если не отъ нихъ, Владиміръ, по выраженію Іакова, пріялъ тѣ сообщенія о житіи Ольги въ христианствѣ, какія предрасположили его послѣдовать ея примѣру? Позволительно думать, какъ и думать, что Киевскіе христиане въ своихъ старавіяхъ предрасположить Владиміра къ христианству нашли пособницъ, если не въ каждой, то, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ его жень христианокъ, какихъ у него было три: гречанка, чехиня и болгарыня. И если послѣднія двѣ, какъ можно судить по возрасту ихъ дѣтей, стали женами Владиміра уже послѣ 983 г., то самое прискиваніе Владиміромъ жень христианокъ—не означало ли также, что онъ былъ предрасположенъ къ христианству? Словомъ, подобно Ольгѣ, возымѣвшей расположеніе къ христианству безъ содѣйствія нарочитыхъ проповѣдниковъ изъ Греціи, не приходившихъ къ ней, и Владиміръ возымѣлъ предрасположеніе къ христианству прежде всего подъ вліяніемъ мѣстной христианской среды, въ которой христианство было уже давнымъ, начавшись именно христианами изъ Варяговъ и возрастаая

попреимуществу изъ нихъ же и можетъ быть еще изъ плѣнныхъ болгаръ, оставшихся отъ времени Святослава.

Мысль о вліяніи Варяговъ на начальное предрасположеніе Владиміра къ христіанству можетъ вызывать недоразумѣнія при сопоставленіи ея съ тою исторіею обращенія Владиміра въ христіанство, какую имѣемъ въ лѣтописной повѣсти подъ 986—988 гг., гдѣ не упоминается о Варягахъ. Въ виду этого обстоятельства остановимся на самой повѣсти, впрочемъ — настолько, насколько это нужно для нашей цѣли. Общеизвѣстно, что за исключеніемъ немногихъ церковныхъ историковъ, большинствомъ другихъ нашихъ историковъ и изслѣдователей лѣтописное преданіе о *нарочитыхъ* послахъ-проповѣдникахъ, приходившихъ къ Владиміру, и послахъ Владиміра для извѣдыванія вѣрѣ отрицается въ той или другой или же въ обѣихъ частяхъ своихъ, и обращеніе Владиміра признается совершившимся подъ вліяніемъ представителей мѣстной Кіевской среды. Такъ, Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи“ высказывается, что преданіе о проповѣдникахъ онъ „считаетъ вѣрнымъ духу времени—и только“. Преданіе же о послахъ отъ Владиміра для осмотра вѣрѣ онъ совсѣмъ отвергаетъ. „Христіанство, говоритъ онъ, было уже давно знакомо въ Кіевѣ влѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который поражалъ Руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бывальцы въ Константинополѣ послѣ тамошнихъ чудесъ съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное русское язычество и превозносить вѣру греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывавшіе во многихъ различныхъ странахъ, и на востокѣ и на западѣ, видѣвшіе много разныхъ вѣрѣ и обычаевъ и, разумѣется, имъ нигдѣ не могло такъ нравиться, какъ въ Константинополѣ. Владиміру не нужно было посылать боярѣ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ: *не одинъ Варягъ могъ удостовѣрить его о преимуществахъ вѣры Греческой предъ всеми другими.* М. Пла-

ріонъ, свидѣтельство котораго, какъ почти современное, не поддежитъ никакому сомнѣнію,—Иларіонъ ни слова не говоритъ о посольствахъ, но говоритъ, согласнѣе съ дѣломъ, что Владиміръ *постоянно* слышалъ о Греческой землѣ, сильной вѣрою, о величїи тамошняго Богослуженія; бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что, по преданію лѣтописца, говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣр⁴. Г. Вестужевъ Рюмилъ склоненъ отрицать лѣтописное преданіе въ той части его, которая говоритъ о проповѣдникахъ, приходившихъ къ Владиміру, замѣчая, что „едва ли не слѣдуетъ здѣсь разумѣть купцевъ разныхъ народностей, жившихъ въ Кіевѣ“. Г. Пловайскій всю повѣсть о посольствахъ называетъ „народною легендою“ и представляетъ обращеніе Владиміра совершившимся „просто и естественно“, подъ вліяніемъ мѣстной Кіевской христіанской среды и связей Кіевской Руси съ Тмутораканскимъ краемъ, давно имѣвшимъ своихъ епископовъ въ Босфорѣ (Азовскомъ) и Таматархѣ. Г. Голубинскій въ своей „Исторіи Русской Церкви“ идетъ далѣе. Отрицая повѣсть о посольствахъ, онъ полагаетъ, что не только обращеніе Владиміра въ христіанство, будучи плодомъ внутренняго предрасположенія свѣтлой души его, озаренной благодатію Божіею, совершилось подъ вліяніемъ того знакомства съ христіанствомъ, какое пріобрѣлъ онъ въ средѣ мѣстныхъ Кіевскихъ христіанъ изъ Варяговъ, но что здѣсь же въ Кіевѣ совершилось и самое крещеніе Владиміра, и что оно совершено руками священниковъ этихъ христіанъ¹⁾.

¹⁾ Исторія обращенія Владиміра въ христіанство, представленная г. Голубинскимъ, вызвала рѣзкія замѣчанія въ недавно появившейся статьѣ подъ заглавіемъ: *Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ* (Кіевская Старина, сентябрь)? Достопочтенный авторъ статьи называетъ выводы г. Голубинскаго „измышленіями“, замѣчая, что доказательства историческихъ на все свои измышленія г. Голубинскій не приводитъ, кромѣ ссылки на Исландскую сагу объ Олавѣ. Выступъ съ тѣмъ, выводомъ г. Голубинскаго о Варягахъ,

Въ послѣднее время явилось новое мнѣніе относительно посольствъ, изображаемыхъ въ повѣсти, и въ связи съ тѣмъ объ обстоятельствахъ обращенія Владиміра въ христіанство. Найдены или заново уяснены извѣстія византійскихъ и арабскихъ писателей, по которымъ выходитъ, что въ моментъ, къ которому лѣтописная повѣсть относитъ посольства о вѣрѣ, существовали собственно *политическія* посольства между Византією и Русью. Интересъ посольства со стороны Византіи состоялъ въ желаніи заключить союзъ съ Русью, бывшею въ данное время въ *непріязненныхъ отношеніяхъ къ Византіи*, и получить отъ Владиміра военную помощь противъ бунтовщиковъ, собравшихъ большую силу и угрожавшихъ самому Царьграду и престолу императоровъ Василія и Константина. Со стороны Владиміра интересъ посольства состоялъ въ желаніи получить руку царевны, въ замѣнъ политическаго союза и военной помощи Византіи. Зашедшія такимъ образомъ политическія сношенія Византіи съ Русью усложнились отношеніями къ Болгаріи, которая подъ предводительствомъ Самуила также начала войну съ Грецією, нуждавшееся въ помощи отъ Руси и противъ этого врага. Въ связи съ такими политическими сношеніями рѣшенъ былъ вопросъ о крещеніи уже предрасположеннаго къ христіанству Владиміра, совершилось и самое крещеніе

какъ послужившихъ къ обращенію и крещенію Владиміра, дается такой видъ, что если крещеніе Владиміра совершено руками священниковъ Варяговъ-христіанъ, то значить—руками *латинскихъ* священниковъ. И мы не во всемъ согласны съ выводами г. Голубинскаго, но думаемъ, что можно иначе относиться къ выводамъ автора „Исторіи Русской Церкви“, составляющей плодъ глубокой и обширной учености. Читая Исторію] г. Голубинскаго можемъ видѣть, что бывшіе въ Кіевѣ Варяги-христіане представляны у него, какъ христіане Греческой церкви, пришедшіе христіанство изъ Греціи, можемъ видѣть и то, что выводы г. Голубинскаго по исторіи обращенія Владиміра въ христіанство являются у него не вымышленными, а именно выводами, опирающимися и на источники и прежде всего—свои русскіе источники. Можно оспаривать эти выводы, можно иначе толковать извѣстія самыхъ источниковъ, на это—другое дѣло, которое, позволимъ себѣ сказать, не такъ легко и просто, какъ представляеть достопочтенный критикъ г. Голубинскаго. Съ сего жъ объ Олавѣ вѣтрѣмъ далѣе.

его. Лѣтописная повѣсть о посольствахъ, по этому мнѣнію, объясняется такъ, что въ ней политическія посольства превращены въ посольства по вопросу о вѣрѣ¹⁾. Мы не войдемъ здѣсь въ разборъ всѣхъ указанныхъ мнѣній, въ самомъ изложеніи которыхъ мы ограничились только тѣми сторонами въ нихъ, какія могутъ имѣть ближайшее отношеніе къ нашей цѣли. Но воспользуемся этими мнѣніями, какъ поводами къ дальнѣйшему разъясненію занимающаго насъ вопроса, т. е. вопроса о значеніи Варяговъ въ начальной исторіи нашего христіанства и въ частности въ исторіи обращенія Владиміра къ христіанству.

Итакъ, мысля вмѣстѣ съ блаж. м. Пларіономъ, что обращеніе Владиміра въ христіанство зачалось дѣйствіемъ благодати Божіей и внутреннимъ движеніемъ въ душѣ его, искавшей свѣта истины, признавая вмѣстѣ съ большинствомъ нашихъ историковъ и изслѣдователей, что это обращеніе совершилось, прежде всего, подъ вліяніемъ того значенія съ христіанствомъ, какое онъ пріобрѣлъ въ средѣ мѣстныхъ кіевскихъ христіанъ, признавая, далѣе, что такими христіанами были по преимуществу Варяги, допуская, наконецъ, и то, что крещеніе Владиміра совершилось въ связи съ тѣми политическими сношеніями, о которыхъ говорятъ восточныя извѣстія, какъ возникшихъ со стороны Византіи помимо вопроса о вѣрѣ, мы думаемъ, что все это еще не

¹⁾ Излагаемое здѣсь въ общихъ чертахъ мнѣніе есть мнѣніе г. г. Купина (о запискѣ готскаго гонарха. С.-Пб. 1874.), Василевскаго (Русско-Византійскіе отрывки. Къ Исторіи 976—986 гг. Ж. М. П. Пр. Марті, 1876 г.) барона Розена (Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченіе изъ Лѣтописи Яхъи Англійскаго. Спб. 1883 г.) и другихъ, писавшихъ критическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія барона Розена. Въ изложеніи этого мнѣнія у каждаго изъ названныхъ представителей его есть свои особенности, но мы отмѣчаемъ только то, что есть въ немъ общаго—это мысль о вызванномъ критическимъ положеніемъ Византіи политическомъ посольствѣ отъ нея къ Владиміру, начавшемъ рядъ событій, въ которомъ имѣетъ свое мѣсто и крещеніе Владиміра, годъ котораго названные изслѣдователи опредѣляютъ неодинаково, сходясь только въ опредѣленіи года взятія Корсуни, относимаго именно къ 989 г.

лишаетъ насъ надежды сохранить лѣтописную повѣсть о посольствахъ въ исторіи обращенія и крещенія Владиміра. При встрѣчѣ съ извѣстіями *разнорѣчными*, но не *прямо противорѣчными*, мы держимся того правила критики, что прежде, чѣмъ отрицать одно извѣстіе въ пользу другаго, слѣдуетъ сдѣлать попытку къ соглашенію ихъ, въ надеждѣ одно изъ нихъ пояснить или пополнить другимъ. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что лѣтописное преданіе о религіозныхъ посольствахъ и бывшихъ по поводу ихъ совѣщаній о вѣрѣ не исключается ни тою, вытекающею изъ всего хода начальной исторіи нашего христіанства, мыслию, что обращеніе Владиміра совершилось подъ вліяніемъ мѣстныхъ кіевскихъ христіанъ и по преимуществу Варяговъ, ни фактомъ существованія политическихъ посольствъ въ моментъ, къ которому повѣсть относитъ религіозныя посольства. Начнемъ съ послѣдняго. Мнѣніе о политическихъ посольствахъ имѣетъ твердое основаніе въ источникахъ¹⁾. Но можно указать не мало примѣровъ на то, что въ средніе вѣка въ Византіи, какъ еще болѣе на западѣ, въ политическія посольства назначались лица духовныя—епископы, монахи, священники, что такія лица назначались въ посольства не только къ христіанскимъ дворамъ и народамъ, но и къ нехристіанскимъ²⁾. Выбирались такія лица изъ людей болѣе образованныхъ, ученыхъ, носившихъ и названіе философовъ. Та-

¹⁾ Важно здѣсь *единогласіе* свидѣтельствъ византійскихъ и арабскихъ (христіанскихъ) о византійскомъ посольствѣ, послѣдовавшемъ независимо отъ вопроса о вѣрѣ и въ чисто политическомъ интересѣ Византіи. Въ особенности важно свидѣтельство Яхъи Антиохійца, христіанскаго писателя, почти современника Владиміра и современника Императора Василія (въ Антиохіи Яхъи жилъ съ 1014—1015 г.) и стоявшаго близко къ сценѣ событій, которыя обуславливали политическое посольство Византіи.

²⁾ Такъ, напр., Михаилъ еп. Синадскій и Григорій Амастрійскій были послами импер. Никѣфора (802—811) къ Гарунъ-аль-Рашиду (Theophani Chr. Patr. Graec. ed. Migne. Т. 108, р. 970), Патрицій Фригій и Теофилъ, пресвитеръ Влахернскій—послами импер. Ирины къ Карлу В. въ 798 г. (Pertz, 1, р. 184—185.), Теоодосій, митрополитъ халкидонскій, и славерій Теофилъ—послами императора Теофала къ Лудовику Благочестивому въ 839 г. (Pertz, 1, 434).

кимъ образомъ, вполнѣ возможно, что и во главѣ или въ свитѣ перваго византійскаго посольства, имѣвшаго политическую цѣль, находилось лицо духовное, носившее даже званіе философа, усвояемое лѣтописью греческому миссіонеру, приходившему къ Владиміру. Естественно думать, что такое лице, отправляясь въ посольство къ языческому государю, настроено было съ политическою миссіею соединить и религіозную не только въ интересѣ христіанства, но и въ интересѣ успѣха политической миссіи, чтобы союзомъ вѣры скрѣпить политическій союзъ съ Русью. Прибывъ въ Русь, византійское посольство застало Владиміра *уже не только предрасположеннымъ* къ христіанству, но и занятымъ мыслию о принятіи его для себя и народа. Такимъ образомъ, рядомъ съ рѣчами по дѣламъ политическимъ естественно зашли съ обѣихъ сторонъ рѣчи о вѣрѣ. А предъявленное Владиміромъ, въ замѣнъ военной помощи императорамъ, желаніе получить руку царевны еще болѣе выдвигало вопросъ о крещеніи искателя руки, какъ условіи согласія на бракъ его съ царевною со стороны Византіи. Съ вопросомъ о собственномъ крещеніи выдвигался, точнѣе сказать, — ускорялся для Владиміра вопросъ о крещеніи Руси, крещеніи всего народа. Требовалось предрасположить къ тому народъ въ лицѣ его представителей и старцевъ. Тутъ должны были имѣть мѣсто тѣ совѣщанія о вѣрѣ, о которыхъ говоритъ лѣтопись. Иди далѣе, мы находимъ вполнѣ вѣроятнымъ существованіе того посольства въ Царьградѣ, о которомъ говоритъ лѣтопись, какъ о посольствѣ для осмотра вѣрѣ. Это посольство могло быть и политическимъ, подобно прежнему Греческому посольству, будучи отвѣтнымъ на это послѣднее, и касалось вопроса какъ о союзѣ политическомъ и военной помощи, просимыхъ Греками, такъ — и о бракѣ. Но съ политическою цѣлію русское посольство соединило и религіозную, какъ она соединилась съ политическою цѣлію греческаго посольства. Предлагая эту *попытку* соглашенія начальной части лѣтописной повѣсти съ выводами,

почерпаемыми изъ византійскихъ и арабскихъ источниковъ, мы не продолжаемъ такой же попытки относительно выводовъ, касающихся остальныхъ частей повѣсти, ибо это не имѣетъ прямаго отношенія къ цѣли настоящей замѣтки. Въ замѣтѣ этого предложимъ еще наше мнѣніе о вѣроятномъ значеніи Варяговъ въ исторіи посольствъ.

Въ составѣ Греческаго посольства находилось, конечно, нѣсколько лицъ, какъ даетъ заключить и лѣтописная повѣсть¹⁾. Естественно предполагать, что въ составѣ посольства входили, кромѣ Грековъ, еще такіе иностранцы, состоявшіе на службѣ у императоровъ, которые были уже знакомы съ страной, куда снаряжалось посольство, съ языкомъ ея государя, и даже имѣли тѣ или другія связи съ страной²⁾. Изъ кого всего скорѣе могли они быть, если не изъ варяго-русовъ христіанъ, цѣлый отрядъ которыхъ, подъ названіемъ русовъ, былъ, какъ извѣстно, на службѣ у Византійскаго двора еще при Константинѣ Багрянородномъ³⁾? Да и при Владимірѣ, въ первый годъ княженія его въ Кіевѣ, часть тѣхъ варяговъ, которыхъ привелъ онъ изъ-за моря въ Новгородъ, а потомъ въ Кіевъ, отпросились въ Грецію на службу къ императору. Тамъ оставаясь, эти варяги, подобно другимъ своимъ соплеменникамъ, могли принимать христіанство. Изъ Греціи Варяги-христіане продолжали хаживать въ Россію, въ Кіевъ, какъ можемъ заключать по

¹⁾ Въ началѣ повѣсти говорится объ одномъ греческомъ послѣ-философѣ. Но потомъ, въ разсказѣ о совѣщаніи Владиміра съ боярами и старцами, повѣсть представляетъ Владиміра говорящимъ: сихъ же послѣди *приходниша и Греци*.

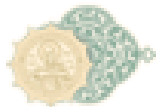
²⁾ Что Руссы, бывавшіе или жившіе въ Царьградѣ, продолжали имѣть связи съ руссами кіевскими, могли имѣть и родныхъ между ними, о томъ даютъ знать договоры Игоря, Святослава.

³⁾ Правда, эти Руссы-христіане называются у Константина *Руссами*, а не Варяго-Руссами. Они могли быть какъ изъ Кіевскихъ, такъ и изъ Азовско-Черноморскихъ руссоѣв. Могли быть даже Славяне между ними. Но, безъ сомнѣнія, между ними преобладали Руссы-Варяги, т. е. Руссы скандинавскаго происхожденія, такъ какъ несомнѣнно, что эти Руссы стали ранѣе извѣстны въ Византіи подъ именемъ *oi 'Ρως*.

сообщенію лѣтописи о томъ Варягѣ-мученигѣ 983 г., о которомъ говорится, что онъ *пришелъ изъ Греціи*. Самая подвижность Варяговъ, любившихъ странствовать по свѣту, бывальцевъ разныхъ странъ, дѣлала ихъ подходящими людьми для подспорья въ такомъ дѣлѣ, какъ посольство въ чужую страну, на этотъ разъ—въ Русь, имъ хорошо знакомую и отчасти родную¹⁾. Итакъ, есть вѣроятность въ томъ, что въ составѣ Греческаго посольства къ Владиміру были и Варяги, т. е. Варяги-Руссы-христиане²⁾. Затѣмъ, есть уже полная вѣроятность въ томъ, что въ совѣщаніяхъ о вѣрѣ, происходившихъ, по лѣтописной повѣсти, послѣ посольствъ въ Владиміру и послѣ его посольства видная роль между представителями русскаго боярства принадлежала Варягамъ, напр., изъ тѣхъ „добрыхъ, смышленныхъ и храбрыхъ „Варяговъ, которыхъ онъ оставилъ у себя въ 980 г., когда удалилъ другихъ. Что Варяги были съ Владиміромъ и въ Корсуни и участвовали въ посольствѣ его отсюда въ Царьградъ, объ этомъ есть свидѣтельство въ одномъ весьма интересномъ и отзывающемся глубокою древностію извѣстіи, помѣщенномъ въ „Словѣ на Успеніе в. кв. Владиміра“, гдѣ читаемъ: шедъ взъ Корсунъ градъ, князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за *Ждѣберномъ*. Не распустивъ полковъ, посла *Ома* воеводу своего съ *Ждѣберномъ* въ Царьградъ къ царямъ просити за себя сестры ихъ. (Востокова, Оп. Рум. Муз. № 435).

¹⁾ Общеизвѣстно свидѣтельство Берлинскихъ лѣтописей о Руссахъ-Скандинавахъ (т. е. Скандинавахъ), находившихся въ 839 г. въ посольствѣ византійскаго императора Теофила къ Лудовику Благочестивому. Эти Руссы, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, сами запросились идти съ послами императора. Теперь, когда византійское правительство само нуждалось въ посллахъ, могшихъ имѣть связи или вліаніе въ Русѣ,—не естественно ли было ему выбрать такихъ людей, именно—изъ Варяго-Руссовъ-христианъ, хорошо знавшихъ Русь?

²⁾ Кто нибудь спроситъ: почему Византійское правительство не могло избрать въ составъ своего посольства Руссовъ *изъ Славянъ*, а не Варяговъ, т. е. Скандинавовъ? Могло, конечно; но послѣдніе были болѣе подходящими людьми для указанной дѣлы, какъ болѣе опытные странствователи и бывальцы разныхъ странъ.

То, что мы знаемъ, какъ достовѣрное, или предполагаемъ, какъ вѣроятное, о значеніи Варяговъ въ начальной исторіи нашего христіанства и даже въ исторіи обращенія въ христіанство Владиміра, даетъ намъ основаніе ожидать, что мы встрѣтимъ отголоски о такомъ значеніи Варяговъ и на ихъ родинѣ. И дѣйствительно, такіе отголоски находятъ въ сагахъ. Такова сага объ Олавѣ. По этой сагѣ, Олавъ, укрываемый матерью Астридою отъ преслѣдованій со стороны убійцъ его отца, попалъ вмѣстѣ съ нею въ плѣнъ къ разбойникамъ въ Эстоніи, разлученъ съ матерью и вмѣстѣ съ другимъ молодымъ норвежцемъ Торсилдомъ проданъ мѣстному владѣльцу Реасу. Олаву было тогда 3 года. У Реаса онъ прожилъ 6 лѣтъ до 9-лѣтняго возраста. Въ это время прибылъ въ Эстонию изъ Гардарикіи (Россіи), изъ г. Холмграда (Новгорода) Сигурдъ, братъ Астриды, бывший вмѣстѣ съ другими земляками на службѣ у Кунунга Гардарикіи Вольдемара, т. е. Владиміра. Встрѣтивъ Олава, Сигурдъ изъ распросовъ у него узналъ въ немъ своего племянника, выкупилъ его и его товарища Торсилда и привезъ въ Холмградъ къ Владиміру. Это было въ 978 году¹⁾. При дворѣ Владиміра росъ и воспитывался Олавъ до 18-лѣтняго возраста, пріобрѣлъ любовь у него, особенно у его супруги Адлоги, умнѣйшей изъ женъ, участвовалъ и въ военныхъ походахъ для покоренія Владиміру областей, отпавшихъ отъ его власти. Олавъ видѣлъ идольскія жертвоприношенія Владиміра, но не участвовалъ въ нихъ, имѣя отвращеніе къ нимъ. Это не нравилось Владиміру, и онъ высказывалъ Олаву, что боги могутъ наказывать его за его нежеланіе служить имъ. Олавъ отвѣчалъ: „не боюсь я боговъ, которымъ ты поклоняешься, потому

¹⁾ Сказаніе саги объ обстоятельствахъ прибытія Олава въ Россію довольно совпадаетъ съ данными изъ нашихъ источниковъ. По лѣтописи, Владиміръ, княжившій въ Новгородѣ съ 970 г., въ 977 г., боясь Ярополка, бѣжалъ за море къ Варягамъ. Оттуда возвратился онъ въ Новгородъ, по лѣтописи, въ 980 г., а по другимъ источникамъ, въ 978 г.

что у нихъ вѣтъ ни голоса, ни зрѣнія, ни слуха, ни разума. А какой природы эти боги, о томъ, кажется мнѣ, могу я заключить изъ того, что твое конугское величество и твое лице, воспитатель мой, представляются всегда ласковыми и свѣтлыми, когда ты не ходишь въ капище и не приносишь жертвъ богамъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ, и отсюда то я заключаю, что божества, которымъ ты служишь, управляютъ, быть можетъ, тьмою, и потому я никогда не буду воздавать имъ почтенія, но я не поношу ихъ, по нежеланію оскорбить тебя⁴. Между тѣмъ Олавъ, какъ иностранецъ, пріобрѣтшій любовь при дворѣ князя, возбудилъ зависть у туземныхъ придворныхъ и, оклеветанный ими предъ княземъ, долженъ былъ оставить Россію, былъ въ Винландіи (землѣ Славянъ Вендовъ на Балтійскомъ поморьи), гдѣ женился на дочери конунга Бурислава, потомъ въ Даніи, гдѣ почувствовалъ предрасположеніе къ христіанской вѣрѣ, потомъ въ Фрисландіи и Саксоніи, гдѣ имѣлъ случай слышать отъ Тангбрандта, ученика епископа Альберта, наставленіе о Христвъ распятомъ, Его страданіи и чудесахъ Его креста. По смерти жены и послѣ новыхъ странствій, Олавъ опять возвратился ко двору Владиміра, ласково принявъ имъ и его супругой. Здѣсь имѣлъ онъ видѣніе о раѣ и адѣ съ муками въ послѣднемъ, приготовленными для конунга Владиміра и его супруги, и во время видѣнія слышалъ гласъ небесный, повелѣвавшій ему идти въ Грецію для познанія истиннаго Бога, чтобы, просвѣтясь свѣтомъ вѣры, Олавъ послужилъ къ просвѣщенію и другихъ. Отправясь въ Грецію, Олавъ наставленъ былъ въ христіанской вѣрѣ многими славными учителями и, какъ говорятъ (выражается сага), принялъ крещеніе. Затѣмъ просилъ онъ епископа Павла отправиться съ нимъ въ Россію и проповѣдывать христіанство. Епископъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы напередъ отправился самъ Олавъ и приготовилъ князя и народныхъ вождей Россіи къ миссіи епископа. Олавъ прибылъ изъ Греціи въ Россію и сталъ

убѣждать Владиміра принять христіанскую вѣру. Владиміръ не соглашался, но потомъ состоялось собраніе представителей народа въ присутствіи князя и его супруги Адлогіи, и въ этомъ собраніи Олавъ говорилъ о Богѣ истинномъ; мудрая Адлогія поддержала слова его, и совѣщаніе окончилось общимъ согласіемъ на принятіе христіанской вѣры. Тогда пришелъ изъ Греціи и епископъ Павелъ, крестилъ Владиміра его жену и весь народъ.

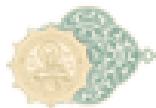
Первый переводчикъ и издатель саги протоіерей Собиинъ¹⁾ замѣчаетъ по поводу ея: „мы, конечно, не повѣримъ тому, чтобы Олавъ въ самомъ дѣлѣ былъ виновникомъ принятія христіанской религіи въ Россіи, однакожъ видимъ, что повѣсть (т. е. лѣтописная повѣсть) о распространеніи христіанства между Руссами взята не съ вѣтру“. Затѣмъ, протоіерей Собиинъ указываетъ и на черты сходства саги съ повѣстью, примѣчаемая, конечно, и читателями. Съ своей стороны мы прибавимъ, что свидѣтельство саги о томъ, будто крещеніе Владиміра совершилось въ самой Россіи, само по себѣ не имѣетъ значенія. Но для насъ, кромѣ отдѣльныхъ чертъ сходства преданія, выражаемаго сагою, съ преданіемъ, выражаемымъ лѣтописною повѣстью, имѣетъ значеніе то общее, даваемое сагою, представленіе, что Варяги, принимавшіе христіанство въ Греціи и приходившіе христіанами въ Россію, были первыми возвѣстителями христіанства и для Россіи; ибо это представленіе дается и нашею лѣтописію, въ которой первымъ извѣстіемъ о христіанахъ въ Кіевѣ есть извѣстіе о *Варягахъ*-христіанахъ, и въ которой есть выразительный разсказъ о Варягѣ-мученикѣ, при Владимірѣ проповѣдавшемъ о тщетѣ идоловъ и Богѣ истинномъ, Ему же служатъ Греки. Мы считаемъ весьма характеристическимъ то мѣсто въ сагѣ, гдѣ говорится, что Владиміръ, имѣвшій обыкновенно ласковое и свѣтлое лице,

¹⁾ Извлеченіе изъ саги въ подлинникѣ и переводѣ съ примѣчаніями помѣщено имъ въ „Русск. Историч. сборникъ“, т. IV, кн. 1. М. 1840 г.

становился мрачнымъ и скучнымъ, послѣ совершенія идолическихъ жертвъ. Это чувство мрака и тоски, порождаемое въ виду кровавыхъ жертвъ предъ бездушными чудищами-идолами, не было ли однимъ изъ тѣхъ первыхъ внутреннихъ движеній въ душѣ его, любившей свѣтъ и искавшей свѣта, которыя привели его къ свѣту Богопознанія? А если въ моментъ подступа такого чувства въ душѣ Владиміра доходили до слуха его и слова о тщетѣ идоловъ и о Богѣ небесномъ, подобныя словамъ Варяга-мученика, то не становились ли онѣ для него лучемъ свѣта, открывшимъ выходъ изъ одержавшаго его мрака душевнаго къ свѣту небесной истины? Словомъ, сага, не смотря на примѣсь сказочности, свойственную ей, какъ сагъ, не лишена значенія для выясненія исторіи обращенія Владиміра въ христіанство, и поэтому отнюдь не излишни тѣ сопоставленія извѣстій ея съ нашими домашними извѣстіями о великомъ событіи, какія дѣлались и могутъ быть еще сдѣланы.

Кромѣ Олава, въ сагахъ извѣстенъ еще одинъ Варягъ, имя котораго связывается съ исторіею христіанства при Владимірѣ. Это Исландецъ Торивальдъ, сынъ Кодрана, странствія котораго по свѣту относятъ къ 980—1000 гг. О немъ говорится, что онъ былъ ревнителемъ распространенія христіанства, которое проповѣдывалъ на родинѣ островѣ, что потомъ онъ былъ въ Константинополѣ, откуда былъ посланъ греческимъ императоромъ въ Россію, прибылъ на Дибрѣ и здѣсь нашелъ монастырь, велъ святую жизнь и былъ погребенъ на высокой скалѣ или горѣ, въ Drafni, въ церкви св. Іоанна Крестителя. Исслѣдователи слово Drafni хотятъ читать Drapni и Dnargi, сближая это названіе съ существовавшимъ въ древности названіемъ для Кіева Danparstad, Danpr stadir, т. е. городъ Дибра¹⁾. Саги, какъ саги, мно-

¹⁾ Замѣтки о Торивальдѣ, дѣлаемыя на основаніи или по поводу сообщеній современнаго изслѣдователя сагъ Вигфуссона, см. въ статьяхъ г. Дашкевича: „Придѣловье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы“ (Универс. Извѣстія, за ноябрь 1886 г. Кіевъ 1886 г.) и г. Веселовскаго: „Кіевъ-градъ Дибра“ (въ Ж. М. Нар. Пр. 1887 г. июнь).

гое представляютъ смутно, смѣшиваютъ времена и событія. Но если и въ нашихъ былинахъ мы отыскиваемъ отголоски преданій, то почему нельзя сказать этого и о сагахъ? Въ приведенномъ сказаніи о Торвальдѣ для насъ интересно въ частности то, что Исландецъ-Варягъ, ревнитель распространенія вѣры, является *посломъ въ Россію отъ Греческаго императора*, да еще приблизительно въ такой періодъ времени, въ который входитъ годъ Греческаго посольства къ Владиміру съ проповѣдію о вѣрѣ, по сообщенію о томъ нашей лѣтописной повѣсти. Конечно, мы не скажемъ, что Олавъ или Торвальдъ были въ составѣ того Греческаго посольства къ Владиміру, о которомъ говоритъ лѣтопись, какъ о миссіонерскомъ, а восточныя извѣстія,—какъ о политическомъ. Въ преданіяхъ сагъ имѣетъ для насъ значеніе общая мысль, состоящая въ томъ, что Варяги-христиане были *пособниками Грековъ* въ ихъ христіанско-просвѣтительномъ вліяніи на Русь не только до Владиміра, но и при Владимірѣ въ великую эпоху принятія имъ христіанства. Важна эта мысль потому, что она дается и совокупностію данныхъ изъ нашихъ собственныхъ источниковъ по начальной исторіи христіанства въ Россіи¹⁾.

За то со времени крещенія Руси при Владимірѣ и основаніи славяно-русской церкви прекращается роль Варяговъ, какъ посредниковъ между нами и Греками и пособниковъ въ просвѣщеніи насъ христіанствомъ. Для крещенной христіанской Руси пособничество Варяговъ уже не было нужно. Пособничество это исключалось еще двумя важными обстоятельствами. Съ принятіемъ отъ Грековъ не только христіанства, но и высшей іерархіи и перваго духовенства, Влади-

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія мы считаемъ полезнымъ для уясненія начальной исторіи нашего христіанства изученіе и сѣтъ. Протоіерей Сабининъ, впервые издавшій у насъ въ подлинникъ и въ переводѣ извлеченіе изъ саги объ Олавѣ, первый же сдѣлалъ нѣкоторыя сопоставленія извѣстій саги съ извѣстіями нашей лѣтописи. Могутъ быть сдѣланы и другія сопоставленія. Но это не входитъ въ задачу настоящей статьи нашей о Варягахъ.

міръ могъ пользоваться непосредственно услугами Грековъ для дальнѣйшаго распространенія вѣры и устроенія церкви. Затѣмъ Владиміръ, хотя и Варягъ по предкамъ въ мужеской линіи, но уже вполне ославянившійся и бывшій за одно съ славянскимъ поселеніемъ страны, естественно предпочиталъ, кромѣ Грековъ, воспользоваться еще услугами единоплеменныхъ и единовѣрныхъ Болгаръ, отъ которыхъ непосредственно или при посредствѣ Грековъ принялъ и священныя книги и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Услуги Варяговъ были теперь не нужны. Но кромѣ того онѣ становились и неумѣстны. На родинѣ Варяговъ, въ странахъ Скандинавіи, христіанство, поединично принимаемое еще съ IX в., теперь во второй половинѣ X в., благодаря усиленнымъ стараніямъ миссіонеровъ и христіанскихъ государей, распространилось окончательно; и то было христіанство латинское, распространяемое отъ имени и во имя Римской церкви. Если до того времени Варяги приходили въ Русь язычниками, по крайней мѣрѣ—не крещеными, и, отправляясь въ христіанскую Грецію и проживъ тамъ, возвращались въ Русь христіанами *Греческой Церкви*, то теперь *новые пришельцы Варяги* съ сѣвера являлись уже христіанами *латинской вѣры*, называемой у насъ и *варяжскою*. Теперь оставалось имъ не учить вѣрѣ насъ, уже крещенныхъ въ православной вѣрѣ *Греческой Церкви*, а развѣ самимъ присоединяться къ нашей вѣрѣ, или довольствоваться терпимостію православной Руси къ ихъ вѣрѣ.

III.

Но память о бывшемъ значеніи Варяговъ въ начальной исторіи нашего христіанства продолжала сохраняться и послѣ св. Владиміра. Кромѣ уже приведенныхъ лѣтописныхъ преданій о Варягахъ, какъ первыхъ христіанахъ въ Руси, на эту память указываютъ и преданія Кіево-Печерскаго монастыря о Варягахъ. Эти преданія сохранилъ для насъ св. Симонъ, епископъ владимірскій, второй послѣ

преп. Нестора авторъ Печерскаго Патерика¹⁾). Разумѣемъ слѣдующія три преданія:

1. Преданіе о *Варягахъ-мученикахъ*. Лѣтопись, говоря о мученической кончинѣ ихъ, замѣчаетъ: „не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я: бяху бо человекѣци тогда невѣгласи и погани“, а въ заключеніе прибавляетъ, что Варяги эти пріяли вѣнецъ небесный съ св. мучениками и праведниками. Симонъ, говоря о св. Леонтіѣ, епископѣ ростовскомъ, пріявшемъ мученическую смерть отъ язычниковъ, выражается: „се третій гражданинъ небесный русскаго міра со овѣма Варягома вѣичався отъ Христа, за него же пострада“. Почему Симонъ называетъ св. Леонтія третьимъ послѣ двухъ Варяговъ святымъ русскимъ, тогда какъ въ періодъ между Варягами и Леонтіемъ были и другіе святыя (св. Ольга, самъ св. Владиміръ и св. Борисъ и Глѣбъ),—не довольно понятно. Болѣе вѣроятнымъ представляется то предположеніе, что Леонтій считается здѣсь третьимъ, послѣ двухъ Варяговъ, святымъ, какъ именно *мученикъ, подобно имъ пострадавшій за Христа отъ язычниковъ*. Во всякомъ случаѣ, упоминаніе о Варягахъ въ сказаніи, служащемъ къ прославленію Печерскаго монастыря, его святыхъ и святынь, указываетъ на то, что память о нихъ, по какому либо особенному случаю, стала святынею для Лавры. И дѣйствительно, въ позднѣйшихъ источникахъ²⁾ становятся извѣстны имена Варяговъ-мучениковъ *Теодора и Иоанна*, и потомъ и мощи послѣдняго—младенца *Іоанна-Варяга*. Откуда стали извѣстны эти имена, если не изъ преданій той же Лавры, гдѣ стали извѣстны и мощи *Іоанна-Варяга*?

¹⁾ Патерикъ, въ древнихъ редакціяхъ его—Арсеніевской 1406 г., Акакіевской 1460 г. и Касьяновской 1462 г., какъ извѣстно, состоятъ (при нѣкоторыхъ огличіяхъ) изъ Несторова житія пр. Θεодосія и сказаній Симона еп. Владимірскаго (1214—1226 г.) и Поликарпа, инока печерскаго. Сказанія послѣдняго записаны со словъ Симона, такъ что онъ есть главный авторъ обоихъ сказаній.

²⁾ Источники эти указаны у пресв. Филарета: Русскіе святыя. Іюль 12 дня.

2. *Преданіе о Варяжской пещерѣ.* О ней упоминается въ сказаніи Поликарпа „о преп. *Теодорѣ и его совѣтникахъ Василіѣ*“, подвизавшихся въ концѣ XI в. Теодоръ, по волѣ пгумена, поселился на подвигъ въ Варяжской пещерѣ, со-сѣдней съ пещерами преп. Теодосія (нынѣ дальними пеще-рами). Здѣсь, копя даязе, Теодоръ нашель кладъ, въ немъ много золота, серебра и дорогихъ сосудовъ. Но какъ эта на-ходка оказывалась бѣсовскимъ искушеніемъ для инока, об-рекшаго себя на обѣтъ нестяжательности, то, по совѣту друга своего Василія, Теодоръ закопалъ этотъ кладъ, молился, чтобъ Господь отъялъ у него память о мѣстѣ клада, и дѣйстви-тельно забыть о немъ. Затѣмъ Теодоръ перешель въ ста-рый монастырь, гдѣ устроилъ себѣ келью вскорѣ по сож-женіи его половцами въ 1096 г., а въ Варяжской пещерѣ остался жить Василій. Между тѣмъ услышалъ о найденномъ Теодоромъ кладѣ князь Мстиславъ, сынъ Святополка Пязсла-вича, и попытывался у Теодора о происхожденіи и мѣстѣ клада. Теодоръ отвѣчалъ: „въ житіи св. отца нашего Анто-нія повѣдается, что здѣсь была Варяжская поклажа есть, да и сосуды Латинскіе суть; почему Варяжская пещера зовется и донынѣ“. Но указать мѣсто клада Теодоръ не могъ, такъ какъ забыть о немъ. Озлобленный князь Теодора жестоко измучилъ, а Василія уязвилъ стрѣлою. Въ слѣдующую ночь они скончались, и братія похоронили обоихъ въ той же Варяжской пещерѣ. Это было въ 1098 г.

Кіевскіе ученые XVII в.—Сильвестръ Коссовъ и Аеа-насій Кальнофойскій¹⁾ высказывали мнѣніе, что въ над-Днѣпровскихъ пещерахъ Берестова, прежде устроенія здѣсь пещеры блаж. Иларіона (потомъ Антоніевой), имѣли свои логовища Варяги разбойники, прятавшіе въ нихъ награб-ленную въ разбояхъ добычу. Существовало и другое мнѣніе,

¹⁾ Сильвестръ—въ своей книгѣ: *Paterikon albo Żywoty oycow świętych* (1638 г.) въ сказаніи о Теодорѣ (р. 122—129). Кальнофойскій въ своей „*Tegeturgima*“ р. 4.

что пещеры эти были и убѣжищами Кіевскихъ христіанъ-мучениковъ во время языческихъ властителей Кіева¹⁾. То и другое, конечно,—догадки книжниковъ. Но преданіе о Варагахъ, какъ древнѣйшихъ обитателяхъ пещерной горы въ Кіевѣ, не лишено значенія²⁾. То, что въ сказаніи о Θεодорѣ и Василіѣ названіе Варяжскій приводится въ связь съ латинскими сосудами, указываетъ только на время послѣдней письменной формулировки преданія, когда варяжество и латинство стали уже синонимами. Для автора сказанія, знающаго Вараговъ и какъ первыхъ мучениковъ въ землѣ русской, латинство позднѣйшихъ Вараговъ, безъ сомнѣнія, не заслоняло греческаго христіанства Вараговъ древнѣйшихъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что даже Варягъ латининиъ могъ оказываться близкимъ къ одной изъ первыхъ святынь новооснованной русской церкви.

3. *Преданіе о Варягѣ Шимонѣ*, излагаемое въ сказаніи еп. Симона *о созданіи Церкви Святыя Богородицы Печерскія*. Сказаніе начинается исторію созданія Печерской Церкви преданіемъ о Варагахъ—Афрканѣ и Шимонѣ. „Былъ въ

¹⁾ Это мѣсто передаетъ пасторъ Гербиній (въ своей „Kijowia Subterranea“, р. 26. Jénae, 1675 г.), но—какъ мѣсто и его западно-русскихъ ученыхъ знакомцевъ.

²⁾ По поводу объясненія Сильвестра, что Варяги разбойники копали пещеры для склада своей добычи, преосв. Филаретъ замѣчаетъ: „Итакъ, вотъ значеніе Вараговъ (Русские святые. Августъ, Θεодоръ и Василій, стр. 36. изд. 1)! Дѣйствительно, наѣзды, разбои, грабежи—были злѣйшемъ Варяговъ-Норманновъ. Но изъ нихъ выходили и устроители государствъ, христіане и даже миссіонеры. По сараѣ обѣ Олавѣ, опъ также прославился своими воинскими походами и грабежами, а потомъ былъ и ревнителемъ распространенія христіанства. Наши Руссы Азовско-Таврическіе громко прославились своими походами, разбоями и грабежами по побережьямъ Чернаго и Каспійскаго морей. Но христіанство явилось у нихъ ранѣе, чѣмъ у нашихъ русскихъ славянъ. Научныя предположенія возводятъ происхожденіе пещеръ, находящихся не въ Кіевѣ только, но и въ окрестностяхъ его, къ временамъ доисторическимъ, даже къ каменному періоду. Но, кажется намъ, не лишено значенія и мѣсто о Варяжскихъ пещерахъ Кіева, какъ мѣстахъ убѣжища первыхъ христіанъ, какими были въ Кіевѣ Варяги. Если при Игорѣ они имѣли уже церковь, то ранѣе того могли имѣть и пещерную молельню.

землѣ Варяжской Князь Африканъ, братъ Якуна слѣпого¹⁾, который потерялъ свою золотую луду, бѣясь въ полку Ярослава въ сраженіи его съ Мстиславомъ²⁾. Были у сего Африкана два сына—Фриандъ и Шимонъ. По смерти отца ихъ, Якунъ изгналъ обоихъ племянниковъ, и Шимонъ пришелъ на службу къ Ярославу. Ярославъ принялъ его, держалъ въ чести и назначилъ состоять при сынѣ его Всеволодѣ, въ качествѣ старѣйшаго, т. е. дядки³⁾. Шимонъ имѣлъ большую власть при Всеволодѣ. Онъ оставался здѣсь и по смерти Ярослава при его сыновьяхъ, когда преп. Антоній и Θεодосій уже жили въ пещерѣ. Возымѣлъ Симонъ великую любовь къ этому святому мѣсту послѣдующему случаю. Въ княженіе Изяслава пришли Половцы воевать Русь. Братья Изяслава, Святославъ и Всеволодъ, собрались въ походъ противъ нихъ, имѣя съ собой и Шимона. Но предъ выступленіемъ въ походъ пришли они къ преп. Антонію за благословеніемъ и молитвою. Старець предрекъ несчастный исходъ битвы. Шимонъ припалъ къ ногамъ преп. Антонія, прося молиться о сохраненіи его отъ бѣды на предстоящей битвѣ. Св. старецъ обстоятельнѣе предрекъ поражение княжеской дружинѣ, а Шимону сказалъ, что онъ будетъ раненъ, но спасется, т. е. останется въ живыхъ и будетъ положенъ въ церкви, которая имѣетъ здѣсь создаться. Пораженіе, дѣйствительно, послѣдовало въ битвѣ на Альтѣ⁴⁾; Шимонъ былъ раненъ. Раненный, онъ воззрѣлъ на небо и видѣлъ церковь великую, ту самую, какую прежде видѣлъ на морѣ, вспомнилъ и Спасовы слова, тогда слышанныя, и воззвалъ: „Гос-

¹⁾ Название *слѣпого*, читаемое и въ лѣтописи (Ипат. лѣт. стр. 104, изд. 1871 г.) исправлено критикою—на *льпого*, т. е. красиваго по своей „златоганной лудѣ“—рыцарской одеждѣ.

²⁾ Въ разсказѣ лѣтописи о битвѣ Ярослава съ Мстиславомъ 1024 г. упоминается Якунъ или Акунъ.

³⁾ Такіе дядьки при молодыхъ князьяхъ довольно извѣстны по лѣтописямъ.

⁴⁾ Въ лѣтописномъ разсказѣ объ этой битвѣ, сообщаемой подъ 1068 г., о Шимонѣ не упоминается.

поди, избави меня отъ горькой смерти молитвами Пречистой Матери Твоея и преп. Антонія и Θεодосія“. Тотчасъ онъ исцѣленъ и потомъ, прїиди къ блаж. Автоноію, разсказалъ слѣд. дивную вещь. „Отецъ мой Африканъ сдѣлалъ крестъ и на немъ изобразилъ богомужное подобіе Христова *новымъ важнымъ написаніемъ, яко же дѣломъ чтуть латини* ¹⁾). Крестъ былъ величиною 10 локтей. Творя честь ему, отецъ мой возложилъ на изображеніе поясъ отъ своихъ чреслъ, имѣющій вѣса 50 гривенъ золота, и вѣнецъ золотой на главу (распятія). Когда же изгналъ меня Якунъ изъ моей области, я взялъ поясъ съ изображенія Исуса и вѣнецъ съ главы Его, то при этомъ услышалъ голосъ: никогда, человекъ, не возлагай его (вѣнца) на главу свою; но неси его въ уготованное ему мѣсто, гдѣ созиждется церковь во имя Матери Моея отъ преподобнаго. Ему вручи (поясъ и вѣнецъ), чтобы обвѣсилъ онъ надъ Моимъ жертвенникомъ. Я, продолжалъ Шимонъ, упалъ отъ страха и изумленія; потомъ вставъ, вошелъ въ корабль и пустился въ море. На морѣ поднялась великая буря, и мы отчаявались въ спасеніи, и я вопилъ: „Господи, прости меня, ради пояса я гибну теперь, ибо взялъ его отъ Твоего человѣколюбія“. Тутъ увидѣлъ я церковь въ горѣ и думалъ, какая бы это была церковь. И былъ голосъ съ неба: „это церковь, которая хочетъ создаться отъ преподобнаго во имя Божіей Матери; видишь и измѣръ златымъ поясомъ величину ея: 20 въ ширину, 30 въ длину и 8 въ высоту съ верхомъ. Въ сей церкви и ты будешь поположенъ. „Тогда всѣ мы прославили Бога и утѣшились, избѣжавъ горькой смерти. Доселѣ я не зналъ, гдѣ совершится сія церковь, показанная мнѣ на морѣ и на Альтѣ. Теперь, приближаясь къ смерти, слышу отъ твоихъ честныхъ устъ, что здѣсь мнѣ надлежитъ быть положену, въ церковь, имѣющей строиться“. Затѣмъ Шимонъ передалъ Автоноію поясъ

¹⁾ Очевидно, разумѣется латинское изображеніе Распятія, по обычаю латинскому.

и вѣнецъ, прося, чтобы послѣдній обвѣщенъ былъ надъ св. трапезою. Антоній восхвалялъ Бога, а Шимону сказалъ: чадо, отсель имя твое будетъ не Шимонъ, а Симонъ. Потомъ, призвавъ преп. Феодосія, Антоній вручилъ ему вѣнецъ и поясъ и сказалъ: сей Симонъ хочетъ воздвигнути такую церковь (т. е. измѣренную поясомъ). Съ этой поры Симонъ имѣлъ великую любовь къ преп. Феодосію и подавалъ ему много имѣнія на устроenie церкви и монастыря. Сказавъ затѣмъ объ основаніи церкви въ размѣрахъ, означенныхъ поясомъ, еп. Симонъ продолжаетъ: нѣкогда Симонъ-Варягъ пришелъ къ блаж. Феодосію и просилъ у него особеннаго дара—молитвеннаго слова на благословеніе ему при жизни и по смерти. Феодосій отказывался, но потомъ, по усиленной просьбѣ Симона, далъ и написалъ ему напутственную молитву, которую, прибавляетъ повѣствователь, и досель вручаютъ въ руки умершимъ... Принявъ молитву и благословеніе Симонъ, бывший Варягъ, нынѣ же христіанинъ, благодатію Божіею наученъ былъ преп. Феодосіемъ о вѣрѣ, оставилъ *латинскую* буестъ и принялъ истинную вѣру Господню *со всемъ домомъ своимъ*, съ дружиною въ числѣ *яко 3 тысячи душъ и съ іереи своими*, ради чудесъ, бывающихъ отъ свв. Антонія и Феодосія. Симонъ Варягъ *первый* и былъ положенъ въ святой великой Церкви Печерской. Послѣ того и сынъ его Георгій возымѣлъ любовь къ памяти св. Феодосія. Владиміръ Мономахъ послалъ его въ Суздальскую землю, сдавъ ему на руки сына своего Георгія (Юрія Долгорукова), назначеннаго туда на удѣлъ. Со временемъ Георгій или Юрій Владиміровичъ сѣлъ на княженіе въ Кіевѣ, а Георгію Симоновичу, *яко отцу*, предоставилъ Суздальскую область, которой былъ онъ *тысяцкимъ*. И восхотѣлъ Георгій Симоновичъ оковать гробъ св. Феодосія, что и сдѣлалъ, пославъ на этотъ предметъ чрезъ одного изъ своихъ бояръ, Василия, 500 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота. Онъ и потомъ много жертвовалъ на печерскій монастырь и, въ частности, пожертвовалъ свою шейную гривну (цѣпь) *вѣсомъ*

въ 100 ф. золота, которую прислалъ съ нарочитымъ писаніемъ, исповѣдуя въ немъ чудесныя благодѣнія, испытанныя отъ преп. Θεодосіа¹⁾). Слѣдуетъ присовокупить, что родъ Симона-Варяга въ потомствѣ сына его Георгія долго славился въ Суздальской землѣ. Во время самаго Симона, епископа Владиміра-Суздальскаго, автора приведеннаго сказанія, славился здѣсь потомокъ ихъ Мина Ивановичъ, женихъ Θεодуліи, дочери кн. Михаила Черниговскаго, по скончавшейся до женитьбы въ 1227 г.²⁾. То, что рассказываетъ Симонъ о предкахъ Мины, могло быть *отчасти* заимствовано и изъ семейныхъ преданій Шимонова рода, но совершенно преданіями, принесенными епископомъ Симономъ изъ Кіева, изъ Печерскаго монастыря, гдѣ онъ былъ прежде инокомъ³⁾).

Можетъ быть различенъ взглядъ на происхожденіе и характеръ сказанія, въ которомъ есть черты, сближаемыя и съ сагами. Но думаемъ, что личность Симона—личность историческая, и что историческая дѣятельность лежитъ въ основѣ и всего сказанія о немъ. Отмѣтимъ слѣдующія черты его:

1. Ярославъ назначаетъ Шимона Варяга къ сыну Всеволоду въ качествѣ старѣйшаго, т. е. дядьки или руководи-

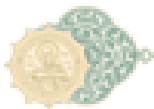
¹⁾ О Георгіи Ростовскомъ тысячкомъ (ростовская область составляла одно княженіе съ суздальскою), окововавшемъ гробъ Θεодосіа въ 1130 г. при игуменѣ Тимоѣѣ, говоритъ лѣтопись (Ипать, стр. 211). Но 1130 годъ не совпадаетъ съ обстоятельствами повѣствованія Симона. Въ 1130 г. Юрій Суздальскій еще не княжилъ въ Кіевѣ, а развѣ пріѣзжалъ сюда на время къ брату Мстиславу, княжившему въ Кіевѣ.

²⁾ Русскіе святые, архіеп. Филарета. Сентябрь 25.

³⁾ Воспользуемся случаемъ сдѣлать поясненіе къ одному мѣсту въ концѣ сказанія о Печерской церкви, относящемуся къ потомкамъ Шимона. Еп. Симонъ говоритъ, что правнуки Шимона по памяти о предкѣ, завѣщавшемъ имъ любовь къ Печерскому монастырю, имѣютъ любовь къ *св. Димитрію*. Здѣсь разумѣется церковь св. Димитрія, которая построена была Ефремомъ, еп. суздальскимъ, приходившимъ изъ печерскихъ иноковъ, который подарилъ эту церковь вмѣстѣ съ деревомъ и селами, къ ней причисленными, Печерскому монастырю. Знакомые Симону епископу *правнуки* Шимона Варяга, къ которымъ могъ принадлежать именно Мина Ивановичъ, по всей сѣроятности, и сообщили Симону часть преданій о своемъ предкѣ.

тея. Это совершенно мыслимо о Ярославѣ. Онъ самъ былъ женатъ на княжнѣ варяжскаго рода Индигердѣ, въ православіи Иривѣ, которую хвалить м. Иларіонъ, и которая съ именемъ Анны въ монашествѣ причислена преданіемъ къ лику мѣстныхъ святыхъ въ Новгородѣ. Онъ имѣлъ Варяговъ на службѣ и въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, гдѣ нѣкоторое время жилъ у него и женился на его дочери Елисаветѣ Гаральдѣ, извѣстный герой сагъ, прославившійся и въ Греціи. То, что Ярославъ поручаетъ Шимону Варягу въ руководство *любимѣйшаго* сына, какимъ, по нашей лѣтописи, былъ Всеволодъ, можетъ указывать на особое довѣріе отца къ характеру руководителя, умѣвшаго потомъ приобрести любовь св. Антонія и Θεодосія. Не объясняется ли отчасти вліяніемъ руководителя и та черта въ образованіи Всеволода, о которой говорить сынъ его Владиміръ Мономахъ, — что отецъ его, сидя дома, изучилъ пять языковъ, между которыми необходимо полагать языкъ варяжскій, т. е. скандинавскій. Вообще въ потомствѣ Всеволода связи съ Скандинавскими родами продолжались. Мономахъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на Скандинавкѣ Гидѣ, старшій сынъ его Мстиславъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля Инга Стенкильсова, одна дочь Мстислава была замужемъ за Норвежскимъ королемъ Сигурдомъ, другая за Канутомъ святымъ, королемъ Оботридскимъ, отцемъ Вольдемара славнаго датскаго короля¹⁾. Хранилась въ родѣ Всеволода добрая память о Шимонѣ. Ибо ею отчасти можно объяснить то, что Мономахъ, посылая сына Юрія на удѣлъ въ Суздаль, придалъ ему руководителемъ Шимонова сына Георгія, котораго Юрій почиталъ, *яко отца*. Видно, что Варяги, конечно — лучшіе изъ нихъ, продолжали считаться полезными людьми для Руси, и что это было отголоскомъ прежняго значенія ихъ въ Руси, когда и самъ Владиміръ, удаляя изъ нея безнокойныхъ и притязательныхъ Варяговъ, все же удержалъ тѣхъ, которыхъ назвалъ „добрыми, смышленными и храбрыми“.

¹⁾ Объ этихъ брачныхъ союзахъ у Карамзина.

2. По сказанію о Шимонѣ, онъ со всею своею 3-хъ-тысячною дружиною и *іереями* присоединился къ православію уже къ концу своей жизни и даже къ концу жизни преп. Антонія и Феодосія. А какъ онъ пришелъ въ Русь при Ярославѣ, то, значить, оставался при своей латинской вѣрѣ не менѣе 20 лѣтъ. Спрашивается: гдѣ онъ молился съ своими *іереями*? Если въ своей домовой церкви или *Варяжской божницы* (въ Новгородѣ извѣстна такая божница), то это значило бы, что тогда у насъ была терпимость къ латинской вѣрѣ, т. е. къ западному христіанству, терпимость, совершенно понятная при отсутствіи у насъ тѣхъ мотивовъ неприязни къ нему, какіе были уже въ Греціи, а у насъ явилась въ послѣдствіи. Но съ этимъ совмѣстимо и другое представленіе, а именно, что и Варяги—латинскіе христіане проникнуты были почтительностію къ греко-русскому православному христіанству и, живя въ Руси, молились въ русскихъ церквахъ, а затѣмъ присоединились къ православію, какъ поступилъ Шимонъ съ своею дружиною и съ своими *іереями*. По сказанію, онъ поступилъ такъ ради чудесъ, бываемыхъ отъ преп. Антонія и Феодосія. Но со всѣмъ этимъ, скажемъ еще, совмѣстимо и то представленіе, что и взаимная вѣротерпимость Русскихъ православныхъ христіанъ и Варяговъ латинскихъ христіанъ и присоединеніе послѣднихъ къ единовѣрію съ первыми были выраженіемъ памяти о томъ времени, когда Варяги являлись въ Руси *христіанами Греческой церкви*, приходя такими изъ своихъ побывокъ въ Царьградъ или у своихъ единоплеменниковъ Азовско-Таврическихъ Руссовъ.

3. Умѣстенъ вопросъ: если въ Лаврѣ существовали преданія о Варягахъ, то не сохранился какой либо слѣдъ преданій о Лаврѣ у Варяговъ на самой родинѣ ихъ? Хотятъ видѣть этотъ слѣдъ. Мы упоминали о Торвальдѣ, сынѣ Кодрана, страствователѣ и миссіонерѣ между 980—1000 г.г., котораго, по сказанію саги, посылалъ греческій императоръ въ Русь. Извѣстный знатокъ древне-сѣверной литературы,

исландецъ Вигфуссонъ, состоящій въ сношеніяхъ съ русскими учеными, сдѣлалъ сообщеніе о строфѣ изъ Kristnisaga и о могилѣ Торвальда, которую посвятилъ исландецъ XII в. Строфа гласитъ: „Я пришелъ туда, гдѣ Христосъ уготовалъ доже Торвальду, сыну Кодранову. Тамъ онъ похороненъ на высокой горѣ у Drafni въ церкви св. Іоанна“. Drafni читается въ одной рукописи и Drapni, и Вигфуссонъ сближаетъ его съ названіемъ Drapn stadir („городъ Дявпра“), съ какимъ будтобы извѣстенъ былъ въ болѣе глубокой древности нашъ Кіевъ. Свое сообщеніе Вигфуссонъ сопровождаетъ слѣдующею замѣткою: „извѣстный исландецъ Thorwald Codran's son, прозванный путешественникомъ по далекимъ краямъ, жившій ок. 980—1000 г.г., послѣ проповѣданія Евангелія на родномъ островѣ, отправился въ Константинополь, откуда былъ посланъ Византійскимъ императоромъ въ Россію. Онъ прибылъ „на Дявпръ“, и здѣсь нашелъ монастырь, велъ свитую жизнь и былъ погребенъ на „высокой скалѣ“ въ Drafni, въ церкви св. Іоанна Крестителя“. Одинъ исландецъ, жившій не ранѣе XII в., говоритъ въ своей поэмѣ: „Я былъ на его могилѣ“.—„Теперь я считаю установленнымъ, что могила моего соотечественника находилась въ Кіевѣ, и что подъ высокой горой или скалой разумѣется Лавра *)“.

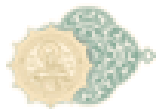
Русскій изслѣдователь г. Веселовскій, вообще признающій важность сообщеній Вигфуссона, подрываетъ однако же приведенный выводъ его о Кіевѣ и лаврской горѣ, какъ мѣстѣ могилы Торвальда, ссылаясь на предшествующій цитованной строфѣ въ сагѣ прозаическій пересказъ о томъ же, гласящій такъ: „Торвальдъ скончался на Руси не далеко отъ Полоцка, тамъ онъ похороненъ на одной горѣ, въ церкви Іоанна Крестителя, и его считаютъ святымъ“. Въ примѣчаніи къ тексту своей замѣтки г. Веселовскій прибавляетъ здѣсь: въ Полоцкѣ, на островѣ р. Двины противъ

*) См. цитованныя выше статьи г.г. Дашкевича и Веселовскаго.

города, дѣйствительно, существовалъ Іоанно-Предтеченскій монастырь, но его устройство относятъ уже къ концу XIV в. (Исторія Русск. Церкви, преосв. Макарія, т. IV, стр. 172)“. Сочувствуя усиліямъ изслѣдователей освѣтить такъ или иначе дѣйствительно интересное, но загадочное сказаніе о Торивальдѣ, сдѣлаемъ и съ своей стороны замѣчаніе. Кажется, признаютъ, что строфа въ поэмѣ должна считаться древнѣе прозаическаго пересказа и вѣрнѣе отражающею преданіе. Если такъ, то могилы Торивальда надежнѣе искать въ „городѣ Двѣпра“ на горѣ Двѣпровской, а не въ Полоцкѣ, что и церкви Іоанна Предтечи, въ которой была эта могила или гробъ святаго Варяга, должно искать опять не въ Полоцкѣ и не въ XIV в., а въ Кіевѣ и гораздо ранѣе. И такая церковь есть. О ней говорится въ томъ же, довольно обильномъ преданіи о варягахъ, Патерикѣ, въ одномъ изъ сказаній того же Симона. Это сказаніе *объ Иванѣ и Сергіи* и сынѣ Ивана Захаріи. Иванъ и Сергій были мужи „изъ великихъ“ града Кіева, т. е. знатные мужи въ Кіевѣ. Будучи друзьями, они заключили союзъ побратимства или духовнаго братства предъ Печерскою иконою Божіей Матери. Спусти много лѣтъ, Иванъ разболѣлся и, приближаясь къ смерти, передалъ значительную часть своего имущества печ. игумену Никому (1078—1088 г.), для раздачи бѣднымъ, а остальную, въ количествѣ 100 гривенъ серебра и 100 гривенъ золота, оставилъ въ наслѣдство 5-лѣтнему сыну, Захаріи, отдавъ его вмѣстѣ съ наслѣдствомъ на руки духовному брату Сергію. Когда Захарія достигъ 15 лѣтъ и потребовалъ отъ Сергія своего наслѣдства, то послѣдній, движимый корыстію, отказался выдать, ссылаясь на то, будто Иванъ все имѣніе раздалъ Богу. Захарія потребовалъ, чтобы Сергій засвидѣтельствовалъ это предъ тою же Печерскою иконою Богоматери, предъ которою онъ заключилъ союзъ братства съ отцемъ Захаріи Иваномъ. Когда Сергій отважился и на это, то былъ пораженъ невидимою силою, и тогда взмолился къ преп. Антонію и Θεодосію

объ избавленія, сознался въ винѣ, открылъ мѣсто, гдѣ былъ скрытъ и запечатанъ сосудъ съ 100 гривнами золота и серебра, и когда открыли сосудъ, то въ немъ оказалось 2000 гривенъ серебра и 200 гривенъ золота: Господь усугубилъ сокровище. Захарія все отдалъ игумену Іоанну (1089—1009 г.) на богоугодное употребленіе, а самъ постригся въ послѣдствіи и скончался въ Печерской обители. А на пожертвованное золото и серебро въ новоосвященной (въ 1089 г.) великой Печерской церкви устроенъ придѣлъ во имя Іоанна Предтечи, и въ память тезоименитаго ему Іоанна боярина и сына его Захарія, на золото и серебро коихъ построенъ храмъ. Возможно, что и гробы послѣднихъ были перенесены въ созданную на ихъ средства церковь. И такъ, была въ концѣ XI в. въ Лаврѣ церковь Іоанна Предтечи въ видѣ придѣла той великой Печерской Церкви, въ которой первымъ положенъ былъ Варягъ Симонъ. Если былъ въ Руси Торивальдъ, современникъ св. Владиміра, прослывшій святымъ; то не могъ ли быть найденъ и перенесенъ въ боярскій придѣлъ Іоанна Предтечи гробъ его, какъ были найдены и перенесены (неизвѣстно когда и кѣмъ) мощи св. отрока Варяга-Іоанна?

Предложеннымъ сводомъ извѣстій и соображеній о Варягахъ и значеніи ихъ въ начальной исторіи нашего христіанства мы желали бы вызвать замѣчанія компетентныхъ изслѣдователей. Въ этой Исторіи есть еще свои тайники, недостаточно освѣщенные, а въ наукѣ возрастаютъ надежды на бѣльшее освѣщеніе ихъ то чрезъ открытіе новыхъ источниковъ, то чрезъ большую вдумчивость въ смыслъ того, что даютъ намъ источники уже извѣстные. Несомнѣнно и то, что успѣхъ нашихъ усилій къ большому освѣщенію дорогой и священной для насъ исторіи, какова начальная исторія нашего христіанства, будетъ въ сильной степени зависеть отъ того, насколько мы будемъ имѣть въ виду

только истину, ибо тогда и самыя ошибки могутъ послужить къ вѣщшему вынаруженію истины. Что касается до мысли о важномъ значеніи Варяговъ въ начальной исторіи нашего христіанства, формулируемой такъ, что они послужили намъ *пособниками при начальномъ заимствованіи христіанства отъ православнаго Востока*, то думаемъ, что сама по себѣ эта мысль не должна претить нашему національному, православно-христіанскому созванію, какъ не должна претить намъ мысль о пособничествѣ Варяговъ въ начальномъ образованіи государства у нашихъ предковъ—Русскихъ славянъ. Уже этою услугою, т. е. услугою въ начальномъ образованіи государственнаго союза и въ начальномъ созданіи объединяющей государственной власти, Варяги помогли намъ войти въ болѣе частыя и близкія сношенія съ христіанскою Греціею (по пути изъ Варягъ въ Греки), слѣд., ускорить часъ нашего просвѣщенія христіанствомъ. Подобное значеніе имѣла для насъ услуга Варяговъ въ высвобожденіи насъ отъ хотѣвшей утвердиться надъ нами власти Азіатскаго народа, Хозаръ. Изъ Кіева и области Кіевскихъ Полянъ прогнали эту власть Аскольдъ и Диръ съ тѣми Варягами, какихъ они совокупили въ Кіевѣ. Олегъ высвободилъ изъ подъ власти Хозаръ Сѣверянъ и Радимичей, платившихъ имъ дань. Святославъ, уже Славянинъ по имени, но преемникъ духа воинственныхъ и предприимчивыхъ Варяговъ, освободилъ отъ Хозаръ Вятичей и нанесъ удары Хозарскому могуществу въ самой срединѣ ихъ царства, куда, по Іакову Монаху, ходилъ довершать пораженіе Хазаръ и Владиміръ. Само собою понятно, что успѣхи наши въ вѣковой борьбѣ съ азіатцами Хозарами достигнуты дружинами отъ соединенныхъ подъ властію князей славяно-русскихъ и финскихъ племенъ; но во главѣ этихъ дружинъ были, по крайней мѣрѣ, при первыхъ князьяхъ дружины Варяговъ, къ которымъ, если еще не ранѣе Игоря, то при Игорѣ присоединились дружины соплеменныхъ нашимъ Варяго-Руссамъ Руссовъ Азовско-Таврическихъ. Разрушеніе

Хозарскаго могущества и Хазарскаго господства надъ большою частію русскихъ Славянъ составляетъ чрезвычайно важное явленіе въ нашей начальной исторіи, и въ частности, въ исторіи нашего христіанства. Продолженіе господства Хозарь грозило намъ заразою мусульманства и іудейства, изъ коихъ первое было религіею воинскаго сословія у Хозарь, а послѣднее—самой династіи хановъ. То и другое не могло, конечно, стать религіею подвластныхъ Хозарамъ Славянъ, но могло помѣшать болѣе скорому воспріятію ими христіанства. Чутье нашихъ предковъ Русскихъ Славянъ, какъ племя европейской расы, сродной европейской же скандиновско-германской расѣ, не обманулось, когда они на сѣверѣ призвали князей изъ племени этой сродной расы, а на югѣ съ легкостію переходили подъ ихъ власть изъ подъ власти Хозарь азіатцевъ. Необходимо думать, что на сѣверѣ чутье это развилось подъ вліяніемъ давняго знакомства Новгородскихъ Славянъ и Кривичей съ Варяго-Руссами той мѣстности, откуда они призвали ихъ на княженіе. Здѣсь позволимъ себѣ высказать нашу мысль о племенномъ характерѣ сѣверныхъ Варяго-Руссовъ и южныхъ, т. е. Азовско-Таврическихъ Руссовъ и о племенныхъ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ къ Русскимъ Славянамъ въ вѣкъ основанія Русскаго государства. Намъ кажется, что тѣ Варяги, которыхъ сѣверо-русскіе Славяне „изгнаша за море и не даша имъ дани“, были изъ Варяговъ Швеци, Шведскаго племени, а тѣ Варяги, изъ которыхъ, вслѣдъ за изгнаніемъ первыхъ, призваны князья, были Варягами Датско-Норвежскаго племени, жившими на Балтійскомъ поморьѣ и въ предѣлахъ Дави, т. е. изъ той мѣстности, гдѣ рядомъ съ Скандинавами—Давами жили Славяне, гдѣ между тѣми и другими заходили издавна и политическіе и родственные союзы, и гдѣ Новгородскіе Славяне и Кривичи имѣли свои торговыя и другія связи, опредѣленно извѣстныя въ послѣдующее время, но начавшіяся издавна. Такъ понимая дѣло, мы примыкаемъ къ извѣстному мнѣнію о Прибалтійскомъ происхожденіи на-

шихъ первыхъ князей и ихъ дружинъ, съ тѣмъ однако же различіемъ, что князей считаемъ не Славянами, а Скандинавами, что ту же скандинавскую стихію считаемъ преобладавшею въ дружинѣ Варяжской, въ которой, впрочемъ, могли быть и Славяне, во не въ качествѣ преобладающей группы. Изъ этой же среды Прибалтійскихъ Варяговъ Датско-Норвежскаго племени происходили Варяги, приходившіе на службу къ Русскимъ князьямъ включительно до св. Владимира (по кончинѣ котораго нашлось въ Кіевѣ много *быстрыхъ Дановъ*, по извѣстію о томъ у Титмара) и Ярослава. Относительно же Руссовъ Азовско-Черноморскихъ болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что они были изъ Шведскаго племени, какъ обозначаютъ ихъ національность Бертинскіе лѣтописи подъ 839 г., извѣстіе коихъ можетъ относиться только къ этимъ Азовско-Черноморскимъ Руссамъ. Последніе, особенно во время господства Хозаръ на Югѣ Россіи, гдѣ подъ властію ихъ находились и Руссы и Славяне, могли здѣсь сближаться съ нашими южными славянами, какъ сѣверные Варяго-Руссы съ Славянами сѣверными. Связи тѣхъ и другихъ Руссовъ Скандинавовъ съ Славянами имѣли далекій прецедентъ въ связяхъ Скандинаво-Германскихъ Готовъ съ Славянами, когда эти Готы господствовали на Югѣ Россіи, гдѣ еще долго оставались владѣніа ихъ у Босфора Азовскаго, въ Тамани, Тавридѣ, а въ некоторое время можетъ быть и въ Кіевѣ, какъ хотятъ теперь доказать нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾.

Наконецъ, само собою понятно, что выясненіе значенія Варяговъ въ начальной исторіи нашего христіанства есть выясненіе лишь *одной* стороны въ этой исторіи. Настоятельно требуется выясненіе значенія въ ней южныхъ Славянъ—Болгарскихъ и западныхъ Чешско-Моравскихъ и Угорскихъ, а затѣмъ и Русскихъ на южныхъ окраинахъ

¹⁾ Сообщенія Вигфуссона—въ цитованныхъ выше статьяхъ г.г. Дашлевица и Веселовскаго.

Россіи, выясненіе, могущее привести эту исторію въ связь съ исторіею миссіонерской дѣятельности свв. первоучителей Славянскихъ. А все это должно вести къ вѣщему освѣщенію личности св. Владиміра, какъ Государя-Просвѣтителя, великій государственный умъ котораго широко обнималъ международныя отношенія современной ему Руси и воспользовался ими для осуществленія главной цѣли его дѣятельности—просвѣщенія Руси христіанствомъ и устроенія ея, какъ государства христіанскаго съ восточнымъ православіемъ и съ славянскою народностію.

И. Малышевскій.